

● ПОРТРЕТ НАРОДНОГО
АРТИСТА ШТОКОЛОВАМиг
власти

ПЕРВЫЙ РАЗ нам удалось свидеться в антракте, накоротке, только условиться о будущей встрече. В этот вечер шел «Годунов». Он пел партию Бориса...

Когда я открыл дверь в гримировочной, на встречу поднялся человек, который крупностью своей неожиданно заслонил свет и как бы вытеснил все предметы... За эти несколько минут после сцены ничто не изменилось в его одежде, ничто не спало с его лица: тот же ястребинный взгляд Годунова, та же угрюмость, сдержанность, та же усталая впалость щек и тихая грусть, которая захватила его всего... Борис Тимофеевич пригласил сесть и предложил стаканчик чая... Сам он, не обжигаясь, легко и размеренно прихлебывал крепкий дымящийся чай, плотно обхватив пальцами ободок стакана. Он прихлебывал с таким удовольствием, словно это было морозным зимним вечером, а не в июльскую пору, когда спасения от жары, казалось, не было нигде. Он не тратил энергии и слов на расспросы, ожидал, когда гость сам скажет, чего он хочет...

ЧЕРЕЗ несколько дней мы вновь встретились с Борисом Тимофеевичем Штоколовым на взморье. Среди леса и дачных домов, где все ровно и не лезет в глаза, он выглядел еще внушительнее, чем в театре, движения его были широко жесты продолжительны, ничто его не стесняло, все было привычно размашисто... Вспомнилась короткая встреча в антракте. Может, оттого и разговор с первых же слов пошел о спектакле. Партию Годунова Борис Тимофеевич поет в Ленинградском театре имени Кирова уже несколько лет. Критика оценивает ее по-разному...

Я же не скрывал своего благодарного расположения и внутреннего согласия с его трактовкой образа. Только хотел узнать, как он сам воспринимает «противоречивость» критики... Борис Тимофеевич мягко, как бы не желая вступать в полемику с рецензентами, и в то же время без всякой обиды и заносчивости объяснил: все дело, наверное, в самих пишущих, они свыклись с мыслью (и так ведется давно), что успех оперного спектакля зависит только от солиста, от его мастерства и таланта. Это верно, но это не все...

И он заговорил настойчивее и тверже, развывая свою мысль о том, что опера тем и трудна, что от солиста даже самого талантливого и опытного, зависит далеко не все. Что к глубокому пониманию оперы, к великим ее чувствам, к сопереживанию может приобщить слушателей только единый ансамбль — оркестр, хор, наконец, дирижер. Особенно много зависит от дирижера. Он должен быть человеком не только безукоризненно профессиональным (для оперного спектакля этого, как правило, мало), но еще талантливым, чтобы ему самому было дано пережить и порыв, и вдохновение...

Где-то в глубине души, понимая, что спектакль еще может расти, даже несмотря на то, что от премьеры его отделяет несколько лет, Штоколов продолжает работать над ролью, тем невольно вовлекая и весь коллектив в «углубление» постановки. А это не всегда и не у всех вызывает поддержку. Чего мол, искать все найдено еще великим Шаляпиным, опера эта идет на русской сцене десятилетия... И, конечно, надо иметь не только терпение, но и мужество, чтобы противостоять этим, казалось бы, «поборникам» традиций.

Все дело ведь в том, как понимать эти традиции, сложившиеся в русской певческой школе, начиная еще с Шаляпина!

«Да, Шаляпин гениален. Он суммировал и подытожил традиции русской певческой школы».

Теперь он вновь заговорил упруго, словно отыскал нужную нить.

«Опыт большого певца, а особенно такого, как Шаляпин, несомненно, полезен. И все же я твердо придерживаюсь, что каждый певец (особо оперный, связанный с режиссурой, драматургией) должен накапливать свой опыт, только им осмысленный, только им пережитый... Каждый певец живет в свою эпоху, в свое время и даже в самом классическом репертуаре он вольно или невольно во власти своего времени, его чувств и настроений. Так нужно ли современному певцу слепо копировать манеру пения Шаляпина, его мизансцены, приемы? Шаляпин в свое время заботливо предостерегал молодых не подражать ему, говорил, что каждый из них должен жить по-своему на сцене, собственными чувствами и переживаниями, тогда и споется по-своему, и по-своему сыграется... По-своему! Вот что ценно!»...

И он снова вернулся к «Годунову», к той начальной поре, когда только приступал к роли. Он тогда внимательно изучил всю старую прессу — за что хвалили, а за что и ругали в свое время рецензенты великого певца. Поначалу некоторые замечания он не мог оценить до конца. К примеру, все они писали о блестящем исполнении Шаляпиным сцены — разговор с сыном. «А в ней петь-то вроде бы и нечего, коротко, мало...» И вспомнил вдруг, как росли его собственные дети, как носил их на руках, водил за ручку — это было одно состояние! — а теперь старшему семнадцати, и Борис Тимофеевич чувствует, как отношения их усложнились, стало в них меньше нежности, больше невысказанности и даже суровости. («Я немало с ним пережил в эти годы»). И этот человеческий опыт сказался и на самой трактовке образа Годунова. «Не случайно у Шаляпина она получалась сразу, — добавляет с мягкой улыбкой Борис Тимофеевич, — ведь у него детей была куча, а не двое, как у меня. Говорят, он был заботливым отцом...»

ВЕРНУЛАСЬ с моря его жена с детьми, тихо поздоровались, познакомились. Они ушли в дом, оставив нас по-прежнему наедине под сенью молодой березы. Но разговор теперь также произвольно перешел на домашних.

Мы вспомнили юность Бориса Тимофеевича, его родителей, их пение под гитару долгими сибирскими вечерами, пение для друзей, в собственное удовольствие и радость. В доме тогда был старинный инструмент — рояль прямострунный... Отсыпавшая певческие истоки Бориса Тимофеевича, вспоминали и о дедушке, который некоторое время учился в Московской консерватории, а потом преподавал пение. Ну и, конечно, о войне, ее обойти никак нельзя, с кем бы ни пришлось говорить в нашей стране — со старым или молодым, юным или зрелым, в разное время война легла у каждого жизненным порогом, а для многих и теперь еще черной памятью лежит...

Борис Тимофеевич годы войны частично провел на Соловецких островах в школе корабельных юнг (прошлым летом бывшие юнги собирались вместе!), но до боевых операций дело не дошло, война кончилась, вернулся как демобилизованный с фронта домой, однако долго не задержался, пошел в летное училище.

Дети войны — поколение Штоколова — рано узнали и поняли, что и на их плечах лежит ответственность за дом, за Отечество... Это чувство формировало их еще детьми как граждан, как защитников Родины. И в первые послевоенные годы, пожалуй, меньше всего они думали о мирном труде (хотя в мирное время предстояло жить именно им!). Они-то непременно хотели стать моряками, летчиками, танкистами... Штоколов принадлежал к таким. Это чувство и привело его в военлеты...

Но судьба распорядилась по-иному — и бережливей, и разборчивей... На выпускной вечер в летное училище приехал Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков (я эту историю слышал и раньше, даже где-то читал, но теперь, пользуясь случаем, спросил Бориса Тимофеевича, как же это все случилось, на выпускном, на самом деле)...

«Меня попросили спеть что-нибудь из военных песен (маршал их особенно любил). Помню, я пел тогда «Эх, дороги»... Она у меня получалась... Все обошлось хорошо, спел, аплодировали, а тут маршал попросил подойти: «Таких летчиков, как вы, лейтенант, в авиации много, вам бы петь надо! В этом ваше призвание». Но я распределился и уехал по назначению. Однако приказ о демобилизации, подписанный Жуковым, разыскал меня...»

(Окончание на 4-й стр.)

Миг власти

(Окончание. Начало на 3-й стр.).

Так с доброго маршальского напутствия началась новая жизнь Штоколова. С доброго, но, думаю не случайного — ведь только военный (победитель войны!) мог так широко, просто и настойчиво заботиться о скорейшем возвращении военной жизни к миру, о приложении лучших молодых умов и талантов к делам сугубо невоенным... Борис Штоколов вернулся в родной город, поступил в консерваторию, учился, вечерами работал в театре рабочим сцены и все свои страсти (несколько запоздало) отдал искусству...

После встретиться с маршалом ему привелось всего лишь раз, через много лет после выпускного вечера, когда имя народного артиста Бориса Штоколова было уже широко известно в стране. Но чувство благодарности за первую встречу неувыдаемо живет в сердце Бориса Тимофеевича. Я полюбывал, как эта вторая встреча произошла? Оказалось, однажды в Москве Борис Тимофеевич случайно встретил гражданского человека, очень похожего на знаменитого маршала, спросил, он ли, оказывается, он. Объяснились. Маршал не помнил курсанта. Но давно знал имя Штоколова-певца. Маршал дал свой телефон, просил звонить, обещал прийти на спектакль. «С удовольствием» послушал бы «Руслана»! Зови, придти обязательно» До сих пор этого не случилось. «Однако я не теряю надежды...» — закончил Борис Тимофеевич и смущенно, словно высказал вслух что-то не очень дозволенное, неловко потирая ладони, добавил, — важно ведь помнить добро, а я помню и никогда не забуду... Глубокая, теплая улыбка осветила его большое лицо.

...Хозяйка принесла скатерть, начала застилать стол. Пока она хлопотала, Борис Тимофеевич показывал дом — старый, давно обжитый, вросший в землю. Потом через березовую рощу мы пошли осматривать окрестности, тихие и милые... Борис Тимофеевич вспоминал прожитое и говорил задумчиво:

— Запахи детства и теперь преследуют. Когда лопаются почки на березах, весь воздух — запах березы! Или запах хлеба свежего — этот чувственный нектар жизни! Как же хорошо, когда в доме грибы, ягоды, капуста, всякие лесные сладости, пряности и снадобья... С нашей городской жизнью поутратили мы ко всему этому вкус... Я люблю природу, люблю, когда прилетают скворцы, расселяются, выводят птенцов, потом всем повзрослевшим семейством улетают в поля. И этот вечный оборот живого, меняющегося, полного жизнедеятельности, удивительной согласованности, соразмерности мира привлекает меня... Природа — мой главный исцелитель от всех трудных забот. Природа действует на меня столь же сильно, как музыка, как семья. А может быть, даже и сильнее...

КОНЕЧНО, самым продолжительным и, может быть, даже самым интересным в этот день был все-таки разговор о русской опере. Да это и вполне естественно, ведь большинство партий, которые поет на сцене Штоколов из русских опер... Борис Тимофеевич оперу нашу относит еще к довольно молодым. По характеру она патриотична и национальна. Начиная с «Ивана Сусанина» до «Тихого Дона» русские и советские композиторы создавали огромную панораму жизни народа в нелегкие, переломные годы его судьбы. И вполне естественно, что именно народу в этих операх отведена главная роль, она блестяще выписана музыкально. «Прекрасный поэтический материал, трагедийный, сложный, создал особую музыкальную драму, которую нужно не только спеть, но и драматически точно, полно, емко сыграть...»

Очень часто по тому или иному поводу Борис Тимофеевич вспоминал о своих зарубежных гастролях, с увлечением описывал их. Ему приходилось петь на сценах Парижа, Нью-Йорка, Мадрида, Чикаго. Я поинтересовался, какой успех имеет там русская опера.

«Вот в Чикаго «Хованщина» шла несколько дней в огромном зале на 2800 человек. И каждый день зал был забит, принимали прекрасно, аплодировали не только певцам, но и музыке (нередко аплодисменты раздавались совершенно неожиданно для певца), зал принял и почувствовал Мусоргского...»

Мусоргский и Бородин — это мировые музыкальные гении, мировые бриллианты. Если мир давно признал Чайковского, Рахманинова, Скрябина, Прокофьева как композиторов мирового значения, то успех Глинки, Бородина, Мусоргского еще восходит...» Говорил он убедительно, чувствовалось, что за этим стоит не только концертное, гастрольное впечатление, но и внимательное наблюдение за жизнью, разговоры и споры с коллегами, то, что составляет знание более глубокое, основательное... Борис Тимофеевич, кстати, рассказал, что итальянцы всегда при постановке своих опер делают упор на эффектное пение, однако когда они обратились к русской опере, то их немало озадачило, что ее надо еще и блестяще сыграть...

«Русская опера требует русской души, великодушия, что ли... Этому нельзя выучиться, это надо чувствовать. Так говорят певцы в Европе, Америке. Справедливо говорят! — голос его теплеет. — Я люблю русскую оперу, люблю ее масштабность, народность, ее мелодичность, певучесть (хотя с не меньшим удовольствием пою, скажем, партию Мефистофеля). Но русская опера мне, естественно, ближе. В ней русский характер, колорит, приметы нашей жизни, природы (все, что составляет в самом широком смысле чувство Родины) особенно ярко запечатлены».

НЕДАВНО я был у Бориса Тимофеевича дома, в его квартире на Петровской, набережной. Он собирался в очередную зарубежную поездку, довольно трудную, беспокойную, да и утомительную, почти через весь материк самолетом. Он нервничал. Оказывается, «сберечь» голос для человека, привыкшего не укрываться от встречного ветра, жить с открытой форточкой, — не такое простое дело... А таких самоограничений на каждый день добрый десяток! И было удивительно, что в этом крупном, огромном человеке с крепким здоровьем так много незащищенности... Он, конечно, не уберется, теперь приходится сидеть дома, мало говорить, много заниматься... Тяжелый труд ради минутной жизни совершеннейшего звука! Но ведь ценим мы превыше всего именно этот прекрасный миг, когда самоотверженная душа и труд едины. Когда голос легко вызывает сопереживание, проникает до сердца, вызывая то радость, то печаль. Это миг власти высокого искусства.

...Борис Тимофеевич дорожит тем, что судьба оказывает ему благосклонность. В двадцать один он стал солистом Свердловской оперы, в тридцать шесть — народным артистом СССР. Тринадцатый сезон поет в Ленинградском театре оперы и балета имени Кирова и уже давно по праву считается одним из лучших «басов» страны... Он рано женился, еще по первому юношескому чувству выбрал себе жену, рано обзавелся детьми. И теперь рад, что все раннее обернулось полноценным, дорогим и близким ему, что время не обеднило его чувства, его жизнь, его искусство...

Эта полнота — одна из самых больших радостей в его жизни.

А. ЛАРИОНОВ.

Василий БОЧАРНИКОВ

Две краски

В две краски всего
исполнен твой день:
снегов серебро
да четкая чернь.

Задумчивый лес,
упрямой дома.
И пасмурь небес...
Зима как зима.

Рисунок и строг,
и замыслом прост.
Прожилики дорог
и небо без звезд.

Я верю в одно:
зимой — не до сна!
Я знаю:
давно
за прялкой весна.

Второй

Адрес редакции